

Сказка о сильном и храбром непобедимом богатыре Иване-царевиче

В некоем царстве, в некоем государстве жил-был царь по имени Ахридей, и тот царь жил с своею супругою Дарьею много лет, а детей не имел. Уже приходили они к старости, и начали богу молиться, чтобы даровал им детище. Скоро после того царица Дарья оберemenела, и чрез обыкновенное время родила прекрасную дочь, которую называли Луною; чрез год родила она другую дочь — ещё краше и лучше первой: называли её Звездой. Царевны выросли, и когда большая сестра была по пятнадцатому году, а меньшая по четырнадцатому, то в некое время пошли они в зелёный сад гулять с своими нянюшками и мамушками и гуляли там долгое время. Вдруг поднялся превеликий вихрь и унёс обеих царевен. Нянюшки и мамушки испугались, побежали к царице Дарье и сказали ей про ту беду. Царица Дарья чуть не умерла с той горькой ведомости, а царь Ахридей начал клич кликать: кто сыщет царевен, за того отдам любую из них замуж. Ни один богатырь не вызвался. Царь собрал волхвов, стал у них выпрашивать: не знают ли, где его дочери? Но и те отrekliсь от этого дела.

Вот царь Ахридей потужил немалое время и напоследок начал опять просить бога, чтобы даровал ему при старости наследника, и роздал великие и щедрые милостыни на бедных и по церквам и по монастырям. Бог услышал молитву, даровал ему сына, Ивана-царевича. Иван-царевич рос не по годам, а по часам, так, как пшеничное тесто на опаре киснет, и когда пришли его совершенные лета, то обучился разным наукам. И проведал Иван-царевич, что были у него две сестры родные, да без вести пропали, и вздумал проситься у отца своего, у матери, чтоб позволили ему идти в дальние государства и проведать о сёстрах; пришёл к своему родителю, и поклонился до земли, и стал говорить:

— Милостивый батюшка! Я пришёл к тебе не пир пировать, не совет советовать, не крепкую думу думать, а пришёл просить у тебя благословения; хочу я идти в дальние государства и проведать о моих любезных сестрицах, что без вести пропали!

— Ох ты гой еси, молодой юноша Иван-царевич! — сказал ему царь Ахридей. — Куда тебя бог несёт и в какую пойдёшь ты сторону? Ведь ты ещё млад и к дорожным трудам непривычен.

Но Иван-царевич просил так неотступно и со слезами, что отец не выдержал — отпустил его. Царевич богу помолился, на все на четыре стороны поклонился, с отцом, с матерью попрощался и пошёл один, как перст, без провожатого.

Идёт царевич путём-дорогою несколько месяцев, и случилось ему в некое время идти чрез густой, дремучий лес. Услыхал он в стороне большой шум, направился на тот шум с великим торопом и увидел, что дерутся промеж себя два лешие. Подошёл к ним.

— Послушайте, — спрашивает, — за что вы дерётесь? Скажите-ка мне, я вас помирю.

Отвечал ему один леший:

— Добрый человек! Рассуди, пожалуй, нашу ссору; вот посмотри, шли мы двое дорогою и нашли шляпу-невидимку, сапоги-самоходы и скатерть-самобранку: стоит только развернуть скатерть, тотчас выпрыгнут из неё двенадцать добрых молодцев да двенадцать красных девиц, принесут разных кушаньев и напитков и начнут потчевать. Из этой находки сапоги да шляпу беру я себе, а скатерть отдаю моему товарищу; а он хочет всем овладеть и для того вступил со мной в драку.

— Хорошо, — сказал Иван-царевич, — я ваше дело разберу, только дайте и мне долю.

Лешие согласились. Тогда Иван-царевич сказал им:

— Бегите по этой дороге изо всей мочи, и кто кого на трёх верстах опередит, тому и достанется вся находка.

Оба лешие с радостью побежали по указанной дороге, и скоро совсем из виду скрылись; Иван-царевич надел на себя сапоги-самоходы и шляпу-невидимку, скатерть-самобранку взял под мышку и пошёл дальше. Когда лешие воротились назад, то не нашли ни Ивана-царевича, ни своих находок и бросились искать его по лесу. Однако хотя и находили на царевича, но не могли его видеть, потому что на нём была надета шляпа-невидимка.

Избегавши попусту весь лес, они напоследок разошлись по своим местам; а Иван-царевич шёл несколько дней и увидел: стоит на дороге малая избушка к лесу передом, а к нему задом; подошёл к ней и молвил:

— Избушка, избушка, стань к лесу задом, а ко мне обернись передом.

Вдруг избушка обернулась к лесу задом, а к нему передом. Царевич вошёл в избушку; там на полу сидела баба-яга, ноги в потолок упёрши, и пряла шерсть. Увидя Ивана-царевича, баба-яга сказала:

— Фу-фу-фу! Как доселева русского духу слыхом не слыхано, а нынче русский дух воочью совершается. Зачем ты, добрый молодец Иван-царевич, сюда зашёл, волею или неволею? Я здесь живу уже сорок лет, а никакой человек мимо меня не прохаживал, не проезживал, ни зверь не прорыскивал, ни птица не пролетывала; а ты как сюда забрёл?

— Ох ты, глупая старая баба! — в ответ сказал Иван-царевич. — Ты прежде меня, доброго молодца, напой-накорми, да тогда и спрашивай.

Яга-баба тотчас вскочила, собрала на стол, напоила, накормила царевича и в бане выпарила и стала опять спрашивать:

— Как ты сюда зашёл, добрый молодец, волею или неволею?

Ответ держал Иван-царевич:

— Сколько волею, а вдвое того неволею. Иду я искать моих родных сестриц Луну и Звезду; а где их сыскать — сам не ведаю.

— Добро, Иван-царевич! — молвила баба-яга. — Молись богу и ложись спать: утро вечера мудренее.

Царевич лёг спать и от дорожного труда заснул крепко. Поутру, чуть только на дворе рассветать стало, яга-баба начала его будить:

— Добрый молодец! Пора тебе в путь идти.

Встал царевич, умылся, оделся, помолился, на все четыре стороны поклонился и начал с ягою прощаться. Тогда яга-баба ему сказала:

— Что ж ты, царевич, со мною прощаешься, а не спросишь, куда тебе надобно — в какую сторонку? Ступай-ка ты, добрый молодец, вот по этой дороженьке и увидишь в чистом поле палаты белокаменные; в тех палатах живёт твоя большая сестра Луна. Только трудно тебе взять её, потому что живёт с нею нечистый дух; приходит он в палаты медведем, а как войдёт — тотчас оборачивается человеком.

Царевич простился с ягою, надел на себя сапоги-самоходы и пошёл в путь. На третий день увидел он в чистом поле белокаменные палаты, покрылся шляпою-невидимкою и вступил в спальню к любезной своей сестрице, прекрасной царевне Луне. В то время царевна Луна лежала на кровати и

опочивала крепким сном. Царевич подошёл к кровати, начал её будить и скинул с себя шляпу-невидимку; царевна пробудилась:

— Кто ты таков и зачем сюда пришёл?

— Любезная моя сестрица, прекрасная царевна Луна! — отвечал царевич. — Я твой брат единокровный Иван-царевич; принёс тебе челобитье от батюшки твоего царя Ахридея и от матушки твоей Дарьи: они вельми по тебе и по сестрице Звезде сокрушаются.

Прекрасная царевна Луна тотчас вскочила с постели и во слезах начала обнимать царевича; долгое время они целовались, миловались, а после того царевна сказала:

— Любезный мой братец! Я несказанно рада, что вижу тебя; но опасаясь, чтоб не пришёл Медведь и не съел бы тебя.

— Не крушись о том, — молвил ей царевич, — я этого не боюсь!

Скоро поднялся сильный вихрь. Тогда прекрасная царевна сказала царевичу в великом страхе:

— Любезный братец Иван-царевич! Скоро Медведь прибежит; спрячься куда-нибудь, не то съест тебя.

— Не бойся! — сказал ей царевич, потом надел на себя шляпу-невидимку и сел на стул.

Медведь вошёл в комнату и закричал человеческим голосом:

— Фу-фу-фу! Доселева русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче и здесь русским духом пахнет.

— Ах, мой свет, — сказала Луна, — тебе стыдно о том и говорить; откуда здесь быть русскому духу? Ты по Руси бегаешь и там русского духу набрался; так тебе и здесь то же чудится.

— Да не пришёл ли брат твой Иван-царевич? — спросил Медведь. — Ведь он давно уж родился.

— Я сроду брата не видела и того, есть ли у меня брат, не ведаю. А что если бы брат пришёл, ведь ты бы съел его?

— Нет, — отвечал Медведь, — я никогда того не сделаю. Ведь я знаю, что он тебе мил; а по тебе и мне мил.

— Поклянись прежде!

— Изволь, клянусь тебе, чем сама хочешь.

— Когда так, — сказала царица Луна, — то брат мой здесь и сидит возле тебя.

— Что ты! Как же я его не вижу? — сказал Медведь, встал, ударился о сырую землю и сделался такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать, и молвил:

— Иван-царевич! Не прячься от меня; я для тебя не злодей, ничего тебе худого не сделаю.

Тут царевич скинул с себя шляпу-невидимку и показался Медведю. Медведь разговаривал с царевичем ласково, потчевал его всякими кушаньями и напитками. Иван-царевич попробовал того-другого и говорит Медведю:

— Не хочешь ли моего дорожного кушанья и моих напитков отведать?

Развернул скатерть-самобранку — и тотчас двенадцать молодцев и двенадцать девиц наставили на ту скатерть разных кушаньев и напитков и начали Ивана-царевича, царицу Луну и Медведя потчевать. Медведь удивился такому чудному делу и спрашивал у Ивана-царевича, откуда он взял такую скатерть? Он про всё ему рассказал. Вот таким-то образом жил царевич у Медведя три месяца, а потом собрался в путь и стал спрашивать про меньшую свою сестру, царицу Звезду, где она проживает.

— Она живёт не очень далеко, — сказала царица Луна, — только, братец, не чаю, чтоб ты её увидал, потому что живёт она с Морским Чудовищем в медном замке, а вокруг того замка стоит стража великая — всё водяные черти; они тебя убьют до смерти.

— Что делать! Хоть сам помру, а сестрицу увижу.

Простился Иван-царевич с прекрасною царицею Луною и с Медведем и пошёл в путь.

На другой день увидел он медный замок, подошёл в ворота; у ворот стоят два водяных чёрта, на плечах пушки держат, никого в замок не пропускают.

— Пропустите меня, — сказал царевич, — ведь я нарочно пришёл всех вас с караула сменить.

— Нет, брат, обманываешь! Если хочешь, полезай через каменную стену, а в ворота ходить не приказано. Да смотри, полезай осторожнее: по ту стороны стены подведены струны: если чуть-чуть до струны дотронешься, то пойдёт

гром по всему замку и по морю. Морское Чудовище услышит, выйдет из моря и тебя жива не оставит!

Царевич ничего не уstraшилcя и полез в сапогах-самоходах чрез каменную стену; не задел за струны ни рукою, ни ногою, только платьем слегка зацепил — и в ту ж минуту раздался великий гром по всему замку. Царевич вошёл с торопом в палаты, нашёл прекрасную царевну Звезду в постели и разбудил её от крепкого сна. Она проснулась и закричала:

— Кто ты и зачем пришёл?

— Любезная сестрица, прекрасная царевна Звезда! — отвечал царевич. — Я твой брат родной Иван-царевич, принёс тебе челобитье от батюшки твоего царя Ахридея и от матушки твоей царицы Дарьи; она вельми по тебе сокрушаются.

Прекрасная царевна Звезда вскочила с постели, начала его целовать, миловать и потом говорит:

— Любезный братец, спрячься куда-нибудь! Скоро придёт сюда Морское Чудовище и как тебя увидит — тотчас съест.

— Не крушись, — молвил царевич, — я не боюсь!

Надел на себя шляпу-невидимку и сел на стул. Вошёл Морское Чудовище и закричал человеческим голосом:

— Фу-фу-фу! Доселева русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче и здесь русским духом пахнет. Кто у тебя, царевна, в гостях?

— Ах, мой свет, — отвечала царевна Звезда, — кому у меня быть? Да русский и зайти сюда не может. Сам ты по Руси бегаешь, набрался там русского духу, так он тебе и здесь чудится!

— Полно, не пришёл ли брат твой Иван-царевич? Ведь он давно уж родился.

— Я сроду никакого брата не видала, и есть ли у меня брат — и того не ведаю. А что если б Ивану-царевичу случилось зайти сюда, ведь ты бы съел его?

— Нет, — отвечал Чудовище, — я никогда того не сделаю. За что я его съем? Ведь он мне ничего худого не сделал. Знаю и то, что он тебе мил; а по тебе и мне мил.

— Нет, я по тех пор не поверю, покуда ты клятвы не дашь.

— Изволь! Клянусь тебе всем, чем сама хочешь.

— Когда так, — молвила царица Звезда, — то брат мой здесь и сидит против тебя.

— Что ты врешь? — сказал Морское Чудо. — Как же я его не вижу?

— Он, право, здесь! — отвечала Звезда.

Тогда Чудовище ударился о сырую землю и стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать, и закричал:

— Иван-царевич, не прячься! Я тебе не злодей, ничего худого не сделаю и всегда рад тебя гостем видеть.

Царевич скинул с себя шляпу-невидимку и показался Чудовищу. Чудовище разговаривал с ним ласково, потчевал всякими питьями и кушаньями.

Царевич попробовал того-другого и говорит Чудовищу:

— Не хочешь ли ты моего дорожного кушанья и моих напитков отведать?

Развернул скатерть-самобранку — и тотчас двенадцать молодцев и двенадцать девиц наставили на ту скатерть разных кушаньев и напитков и начали Ивана-царевича, царицу Звезду и Морское Чудо потчевать. Чудо подивился той скатерти, и спрашивал у Ивана-царевича, где он взял её. Иван-царевич обо всём ему рассказал, и когда они напились и наелись, то царевич свернул свою скатерть, и стали они веселиться, всякими забавами потешаться.

Прожил царевич у меньшей сестры своей близ года. Когда Чудовища не было дома, стал он говорить царице Звезде, чтоб она ушла с ним к отцу к матери.

— Что ты, братец! — отвечала она, — Морское Чудо нагонит нас, лютой смерти предаст.

— Как же мне тебя и сестру нашу выручить?

— Ежели хочешь меня и сестру нашу выручить, то ступай за тридевять земель, в тридесятое государство. Там есть широкая река, через реку калиновый мост, под тем мостом живёт двенадцатиглавый змей; не пропускает он ни конного, ни пешего, всех пожирает. Кому удастся убить двенадцатиглавого змея, за того Царь-девица замуж выйдет; а с её помощью можно и меня и сестру выручить.

Царевич выслушал эти речи, простился с сестрою и пошёл за тридевять земель.

Он надел сапоги-самоходы и в три дня поспел к калиновому мосту. Зашёл в кузницу и велел сковать себе меч-кладенец и палицу боевую в сорок пуд;

кузнецы сковали ему и меч и палицу. Царевич заплатил за работу и пошёл к мосту со змеем биться. Змей тотчас выбежал, бросился на царевича — хочет совсем проглотить его; но царевич приостерёгся, махнул палицей и за один раз отсёк змею три головы. Змей опять на него бросился, царевич вторично ударил его палицею и сшиб шесть голов. Тут змей испустил из себя пламя огненное — хочет сжечь царевича; царевич быстро увернулся, ударил змея мечом и рассёк его надвое, потом наклак костёр дров, зажёл и положил все змеинные головы и туловище на огонь, а сам пошёл через мост на другую сторону.

Видит он — вылетело из градских ворот двенадцать голубиц; прилетели они к калиновому мосту, ударились о сырую землю и сделались красными девицами. Разделись красные девицы донага и стали купаться; а царевич надел шляпу-невидимку, любуется на их красоту и ждёт, что после будет. Девицы выкупались и оделись; Иван-царевич скинул с себя шляпу, подошёл к ним, поклонился и сказал:

— Честные девицы, скажите мне, кто этим царством владеет?

— Этим царством владеет прекрасная Царь-девица; а ты, добрый молодец, как сюда зашёл?

— Я пришёл чрез калиновый мост, — отвечал царевич, — и по ту сторону убил змея о двенадцати головах.

Только выговорил он эти слова, как двенадцать девиц подхватили его под руки и сказали:

— Если ты убил двенадцатиглавого змея, то должен быть нашим государем! — и повели его к Царь-девице.

Царь-девица вышла встречать царевича, принимала его за белые руки, сажала за столы дубовые, за скатерти браные и разговаривала полюбовно; в тот же день царевич на ней и женился.

Прошло несколько дней после свадьбы, начал царевич просить свою супругу, чтоб освободила его сестёр, царевен Луну и Звезду. Царь-девица закричала громким голосом:

— Приведите ко мне проклятого духа, что сидит в тёмном погребе.

Приводят к ней того заключенника — ростом превеликий, собой страшный! Говорит ему Царь-девица:

— Достань и принеси сюда царевну Луну да царевну Звезду; если сослужишь мне эту службу — на волю тебя выпущу, а не сослужишь — навек тебя заключу в тёмном погребе.

Проклятый дух тотчас помчался буйным вихрем и в скором времени принёс обеих царевен; Царь-девица отпустила его на волю, царевну Луну и царевну Звезду отправила к отцу, к матери, а сама стала жить с Иваном-царевичем в любви и совете.